

Бойцы вспоминают минувшие дни

Солдаты Великой Отечественной — гости нашей редакции

С гостями редакции беседовали **Нина ЦЕЛИЩЕВА** и **Александр КЛЯЗМИН** (фото)

Так распорядилась судьба, что мы живём уже не в той стране, на долю которой выпала самая кровопролитная за всю историю человечества война. На карте нашей Родины нет сегодня Украины, Белоруссии, Молдавии, других республик бывшего Союза. Но у исторической памяти народа нет границ. В сердцах людей старшего поколения, как и прежде, глубокой болью отзываются траурный звон колоколов Хатыни и стоны бредущих под конвоем к Бабьему яру, живут мученические глаза детей блокадного Ленинграда, у которых «не было неба и не было детства».

Эхо прошедшей войны и сегодня доносят до нас сотни молодёжных отрядов, которые ищут могилы безымянных героев, восстанавливают их имена, воздают славу их бессмертному подвигу... Память не уходит в отставку... Великая Отечественная война была и остаётся для многих народов единым героическим полем брани. А победа в этой войне — нашим общим великим праздником, над которым не властно безжалостное время.

В канун 56-й годовщины нашей Победы редакция журнала «НО» пригласила ветеранов Великой Отечественной войны Евгения Степановича Березняка и Владимира Александровича Разумного. Двух солдат из многих миллионов, прошедших по дорогам войны и внесших свой вклад в разгром фашизма.

Имена этих людей знакомы читателям журнала. Евгений Степанович Березняк в 70–80-х годах был членом редколлегии журнала «Народное образование», часто выступал со статьями по проблемам внутришкольного управления, трудового обучения. Его послевоенная биография связана с образованием — 30 лет проработал он начальником Главного управления школ министерства просвещения Украины. Защитил кандидатскую диссертацию. И никто из сослуживцев, из друзей не знал, что этот энергичный человек — легендарный герой войны, бывший руководитель группы военных разведчиков «Голос», спасших польский город Краков от гибели. И только после выхода на экраны фильма «Майор Вихрь» и статьи в «Известиях» (февраль, 1968) «Здравствуй, майор Вихрь!» мы узнали, что наш украинский коллега — человек из легенды...

Он получал в те дни до 7 тысяч писем в месяц, телефоны — и служебный, и домашний — накалялись от звонков со всех концов Союза, из Польши, Чехословакии, Венгрии. Всем надо было ответить — не мог не ответить! Ему помогали жена Екатерина Кузьминична и дети. Но и этих сил не хватало. И тогда бывший разведчик засел за книгу.

На его рабочей полке сегодня их уже несколько: «Я — «Голос» (М., 1971), «Пароль «Dum spigo» (вышла в Киеве, издавалась на болгарском, польском, узбекском языках), «Операция «Голос» (М., 1993).

Владимир Александрович Разумный во время войны был командиром пулемётного взвода. Он наш давний автор, публицист, философ, театральный и кинокритик, член Союза театральных деятелей, член Союза кинематографистов России. А ещё он — педагог, доктор философских наук, профессор Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма Министерства культуры России. Он — автор более 330 статей и около 40 книг, среди которых такие фундаментальные работы, как «Проблема типического в эстетике» (М., 1955), «Этическое и эстетическое в искусстве» (М., 1958), «О природе художественного обобщения» (М., 1960), «Эстетическое воспитание. Сущность, формы, методы» (М., 1968), «Прекрасное во всём. Учебное пособие по

русскому языку»

(М., 1988), «Общение и культура отношений» (М., 1988), «Драматизм бытия, или Обретение смысла» (М., 2000).

30 лет отдал В.А. Разумный работе в Академии переподготовки работников культуры, искусства. Около 10 лет возглавлял издательство «Педагогика», а всего педагогической деятельности отдал без малого шесть десятилетий. По его инициативе был создан общественный институт эстетического воспитания при Педагогическом обществе РСФСР. Награждён Большой золотой медалью Я.А. Коменского.

В этом году начал выходить в свет журнал «Мир образования — образование в мире», главным редактором которого он является.

Сегодня ветераны Великой Отечественной вспоминают минувшие дни, делятся мыслями о воспитании, о школе, о современном образовании. А мы задаём им вопросы и по ходу беседы делаем небольшие комментарии.

* * *

Первый вопрос нашим гостям: скажите, пожалуйста, где застали вас первые «дни години горькой»? Как началась для вас война?

Е.С. Березняк: Война застала меня в кабинете заведующего Львовским городским отделом народного образования. Отсюда я и пошёл воевать с фашистами. На войне у каждого — своя дорога. Я хорошо знал немецкий язык, поэтому фронт начался для меня с днепропетровского подполья. С первых же дней войны я должен был забыть своё имя, биографию, родных и друзей. Теперь я — «фольксдойч» — местный немец Отто Бэм, представитель фирмы «Украина ойл». Ни я, ни мои товарищи по подпольной группе никогда не учились работать в подполье, но война быстро всему учит, так как за каждую ошибку приходится расплачиваться жизнью.

В задание группы входило слушать московское радио, распространять листовки, передавать в штаб оперативные сведения. Обычная рутинная работа, которую выполняли тысячи таких групп в то время. Нам и в голову не могло прийти, что мы делаем что-то необычное. Не так ли, Владимир Александрович?

В.А. Разумный: Полностью согласен с вами. Война уже далеко, было время осмыслить все события, своё отношение к ним. Никогда ни на секунду не приходило ко мне ощущение, что я совершал подвиг. Какой там подвиг, когда тысячи людей плечом к плечу идут в атаку. Война — это очень суровые будни. Буднично и началась она для меня и моих одноклассников из 23-й московской школы на Садовом кольце. В «тот самый длинный день в году» весь наш девятый класс был в военкомате. 3 июля 1941 года мы в составе московского ополчения дислоцировались в район Ельни-Ярцево-Дрогобужа. Там я впервые увидел бой. Но именно увидел, ибо мы не принимали участия в сражении — нас берегли, как я теперь понимаю, и держали на подхвате. Но тем не менее почти три месяца провели мы на передовой. Нам выдали винтовки, мы стреляли. А 21 сентября 1941 года до начала битвы под Москвой по приказу Сталина всех девятиклассников откомандировали для завершения учёбы. Сразу же после окончания школы в августе 1942 года я был призван в ряды Красной Армии и направлен в Первое Туркестанское пулемётное училище. Там получил звание лейтенанта и воевал в составе 8-й Гвардейской армии под командованием генерала Василия Ивановича Чуйкова. Был командиром пулемётного взвода, затем — роты. Изюм — Барвенково — Кировоград — вот мой фронтовой путь, который закончился тяжёлым ранением и госпиталем. Согласитесь: всё это довольно буднично...

***Наши комментарий.** Согласиться с этим мы не можем. В архиве бывшего гвардейца Владимира Разумного сохранилась фронтовая газета — боевой листок формата А-4 «Наступление» за 6 сентября 1943 г. № 60. А в нём — оперативная сводка Советского Информбюро за 5 сентября 1943 года: «В течение 5 сентября в Донбассе наши войска продолжали успешно развивать наступление и, продвинувшись вперёд от 10 до 15 километров,*

заняли свыше 120 населённых пунктов, в том числе город Артёмовск, город Дзержинск, город Харцызск, крупные населённые пункты Новая, Ясиноватая, Корсунь... Наши войска, наступающие западнее и юго-западнее Харькова, значительно улучшили свои позиции...»

Это теперь мы знаем, что пройдёт с тех пор немного времени, как Украину и всю страну облетит рвущий душу газетный заголовок, звучащий как военная клятва: «Слышишь, Киев? Харьков наш!» Корреспонденты боевого листка «Наступление» об этом ещё не знают. Гвардии младший лейтенант Е. Двойничев коротко сообщает о подвиге красноармейца Кутыршина, подорвавшего гранатой немецкий дзот. А военные корреспонденты И. Петин и В. Бредюк публикуют информацию в 14 строк «Благородный поступок»: «От разорвавшейся вражеской мины возник пожар, который угрожал складу боеприпасов одного нашего подразделения. В целях предотвращения взрыва гвардейцы Разумный и Парин, рискуя жизнью, бросились в огонь, затушили пожар и своей самоотверженностью спасли боеприпасы».

Не стог сена спасали гвардейцы от огня — склад с боеприпасами! Это ли не героизм?!

В.А. Разумный: Какое там героизм... Я после этого два дня говорить не мог — голос пропал, такое пережил нервное потрясение. На войне всегда страшно. У каждого есть страх перед боем. После артподготовки идём в тумане, не зная, что впереди, откуда бьёт враг. Эффектные сцены, когда кто-то с криком «Ура!» бросается вперёд — это скорее из фильма на героическую тему. В жизни всё проще, суровее — рутинная обычная работа, как всякая другая. Разница в том только, что на этой работе каждый день убивают. Вот и в эпизоде с армейским складом боеприпасов. Он был расположен в лощине, в месте, защищённом от обстрела. И всё же попала в него мина, возник пожар. От неожиданности, скорее инстинктивно, чем осознанно, все разбежались от склада, залегли на склонах холма. А мы с командиром бросились к складу — тоже инстинктивно, на подсознательном уровне. Считанные секунды отделяли нас от взрыва, который разнёс бы всё вокруг, превратив в пепел. Но я это только позже осознал. И теперь, когда читаю у иных авторов о том, что герой «осознанно шёл на подвиг», — не верю...

Командир дивизии В.П. Соколов представил нас к ордену Отечественной войны II степени, а через день меня ранило. Это судьба десятков тысяч солдат. Вот работа в подполье — это действительно героизм. На миру ведь и смерть красна, а там ты всегда один на один со смертельной опасностью. Не так ли?

Е.С. Березняк: И да, и нет. Разведчик ведь тоже действует не один — в моей группе «Голос» было более 20 человек. В разведшколе нам говорили, что из засланных в тыл к немцам в живых остаётся не более 25%. Так что мы ко всему были готовы.

— Евгений Степанович, расскажите, пожалуйста, как проводилась операция «Голос»? Многие наши читатели, вероятно, видели недавно фильм «Майор Вихрь». Наверняка у них возник вопрос: что там правда, а что — художественный вымысел?

Е.С. Березняк: В транспортном самолёте в ночь на 19 августа 1944 года летели мы в глубокий вражеский тыл. Нам предстояло связаться с участниками польского Сопротивления, с их помощью разведать силы, вооружение, укрепления гитлеровского гарнизона в Кракове, вести постоянное наблюдение за перемещением войск и техники противника. Группа была многонациональной — украинцы, русские, поляки, молдаване, башкиры.

Операция группы «Голос» едва не закончилась трагически в самом начале: самолёт обстреляли, десантировать нас удалось далеко от нужного района.

Полгода продолжалась деятельность группы в тылу врага. Каждый день 18-летняя радистка Оля выходила в эфир. Командование 1-го Украинского фронта получало ценные сведения о противнике. Но именно эта регулярность оказалась просчётом: фашистам удалось запеленговать радиостанцию. Ольгу и хозяина квартиры поляка Михаила Врубеля и его дочерей Русю и Стефу схватили. Михаил погиб в Освенциме, а Руся и Стефа, к счастью, остались живы, но прошли через муки Равенсбрюка...

В начале декабря я получил приказ: любой ценой разведать намерения гитлеровцев относительно Кракова. Это было одно из самых сложных заданий — предстояло узнать систему обороны вокруг города, где противник создал оборонительный вал, а также добыть план

минирования Кракова. «Всеми силами сосредоточьте внимание на оборонительных обводах Кракова и инженерных сооружениях вдоль левого берега Вислы» — говорилось в одной из радиограмм. Возникла необходимость добыть «языка». Разведчикам, переодетым в форму немецких полицаев, удалось захватить в плен инженера Курта Пекеля. Несколько дней он рисовал схемы укреплений Кракова. Мы видели, что работа в городе велась солдатами специальных команд днём и ночью. В закрытых машинах подвозили динамит. Тоннами. Закладывали взрывчатку под старинные дома. На перекрёстках улиц, на центральных площадях строили бункеры. Подпольщики насчитали на улицах Кракова двести сорок железобетонных столбов, вкопанных в последние дни. Эти столбы, вероятно, заминируют. Город буквально начинён взрывчаткой. Подумать только: Краков взлетит в воздух!.. А Краков — это музей под открытым небом. Здесь сосредоточены памятники культуры, шедевры архитектуры, бесконечно дорогие польскому народу, — Мариацкий костёл, Вавельский замок — резиденция польских королей, театр Словацкого, Ягеллонский университет, в котором учился Коперник и где сохранились его приборы. Краков — не просто город. Это — душа Польши. Он строился веками, понадобились сотни тысяч, миллионы рук, труд и пот народа, гений зодчего, чтобы он поднялся над Вислой. И достаточно нескольких минут, чтобы всё превратилось в руины...

Так не должно случиться! Город должен жить!.. И мы сделали для этого всё возможное.

Центр не выпускал нас из виду ни на день, чутко реагировал на деятельность группы. Всё сводилось к одной, теперь главной для нас задаче: нужна цельная картина обороны Кракова. А её у нас не было... Я получил записку от своего товарища — Алексея: «Инженерная часть укрепрайона дислоцируется в селе Рацеховице. Командует ею генерал-майор». И вот тут-то нам помог его величество случай, знакомый каждому разведчику. Генерал-майором, командующим укрепрайоном, был Курт Гартман — родом из прибалтийских немцев.

«Вот что позже рассказал он о себе: «Родился в Риге. Мать моя, хотя и была немкой по национальности, выросла в Москве в семье русских военных. Её отец — мой дед — был генералом русской армии и героем Севастополя.»

В Москве прошла юность матери. Она любила Тютчева, Надсона, Пушкина, ездила в Ясную Поляну, чтобы увидеть Толстого. В таком духе она воспитывала и нас. Переехав после замужества в Ригу, мать дала сестре и мне русское воспитание, привила глубокое чувство любви к русскому народу, к России. Мы, например, говорили с сестрой только по-русски и долгое время даже не чувствовали себя немцами.»

Вас интересует, чем я занимался в Германии, в частности, в годы третьего рейха? В гитлеровскую Германию попал как репатриированный в 1940 году. Меня мобилизовали, направили в абвергруппу 315 на должность переводчика. Есть такая немецкая поговорка: «Кто хочет долго ездить верхом, должен запастись овсом». Я же запасался терпением, так как твёрдо решил при малейшей возможности бежать, связаться с партизанами. Россия моя первая Родина, я не мог в ней видеть врага».

**Рассказ Курта Гартмана из книги Е.С. Березняка
«Операция «Голос». М., 1993.**

Сведения Курта Гартмана, перепроверенные разведчиками, были переданы в штаб 1-го Украинского фронта. Краков был спасён для его жителей, для Польши, для Европы. В июне 1978 г. Комитет мирового наследия ЮНЕСКО включил архитектурно-градостроительный ансамбль Кракова в список ценнейших объектов мира.

«На площадях стояли танки Т-34, армейские машины, крытые брезентом, повозки, кони. Крыши домов сияли серебристо-синеватым снегом, уходили ввысь колонны Сукониц, отблеск луны падал на памятник Адаму Мицкевичу. И с ясностью, никогда раньше не испытанной, я не просто увидел, но почувствовал сердцем, как невыразимо прекрасен этот город на Висле, каким близким и дорогим стал он за последние месяцы для всех нас».

Из книги «Я — «Голос», М., 1971.

Что же касается фильма «Майор Вихрь», правды и вымысла в нём, то будем помнить: это — художественное произведение. В фильме его герои, советские разведчики, ценой собственной жизни спасли город. Эпизод напряжённый: удастся ли разведчикам и польским патриотам, вступившим в неравный поединок с гитлеровцами, в последний момент обезвредить кабель, по которому с минуты на минуту обрушится на город смерть? Эффектно. Интригующе. Но... в реальной жизни разведчиков подобные эпизоды случаются крайне редко. Разведчиков потому и называют солдатами невидимого фронта, что их работа остаётся незаметной, как подводная часть айсберга. Труд разведчика — ежедневный, кропотливый, нередко однообразный, чем-то напоминает одновременно работу золотоискателя и ювелира. Сначала ищешь и отбираешь факты, крупицу за крупицей, затем отбрасываешь лишнее, шлифуешь, пока не получается донесение в пять-шесть строк. Одно такое донесение порой стоит доброго десятка «зрелищных» взрывов.

Возможно, кое-кто и разочаруется, но тут уж ничего не поделаешь: чего не было, того не было. Никто из группы «Голос» не разрывал своими руками смертоносный кабель. Никто из нашей четвёрки не погиб. Вся группа в день освобождения Кракова находилась далеко от города, продвигаясь по приказу командования на запад.

Немцы рассчитывали на фронтальный удар с востока и выжидали удобный момент, не зная, что тайна кабеля раскрыта. Перерезав кабель, штурмовая группа советских солдат осторожно подошла к форту, где в подвалах находился обслуживающий персонал, получивший приказ по соответствующему сигналу включить ток и произвести взрыв. Они атаковали застигнутых врасплох гитлеровцев. Битва за город была выиграна. Но началась она задолго до 19 января...

В начале 1966 года «Комсомольская правда» опубликовала документальную повесть о нашей группе. «В документальной повести В. Кудрявцева и В. Понизовского «Город не должен умереть», — писал в предисловии бывший начальник штаба 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский, — рассказывается о группе разведчиков штаба 1-го Украинского фронта, действовавшей в глубоком тылу врага в период подготовки и осуществления одной из решающих стратегических операций Великой Отечественной войны — наступления с Сандомирского плацдарма в январе 1945 года... Действия группы разведчиков — лишь одно из многочисленных звеньев, обеспечивающих успех выполнения плана Ставки Верховного Главнокомандования. Они помогли спасти от разрушения древнюю столицу Польши». Вот так — «лишь одно из многочисленных звеньев...»

Я живу в Киеве и горжусь, что Киев и Краков — города-побратимы. Не покорились врагу наши города, как и наши народы...

В.А. Разумный: А сегодня кому-то надо принизить значение нашей Победы, величие подвига народа. Я недавно выступал перед заместителями директоров школ по воспитательной работе в Московском институте повышения квалификации работников образования. И как только произнёс слово «патриотизм», в зале раздался смех. Милые молодые женщины, которые воспитывают наших детей, вдруг сделали агрессивны:

— Бросьте вы этот патриотизм! Пусть бы нас немцы завоевали, мы бы лучше жили. Мой муж-офицер по полгода не получает зарплату... В армии мало платят...

— Плохо, конечно, что не платят офицерам, плохо, что ветераны бедствуют. Но ведь не за пайки и льготы мы воевали! Какую цену установить за риск, за смерть? Эрнест Хемингуэй, участник нескольких войн, написал в своё время цикл рассказов с очень жёстким, даже эпатажным названием «Победитель не получает ничего». Эту формулу вполне можно отнести и к нашей ситуации через 56 лет после Победы. Моё поколение, к сожалению, испытало неизбежный синдром поражения победителей. Завершая мучительнейшую, победоносную войну, мы, её участники, отчётливо представляли результаты победы для величия родной страны. А на поверку Россия уподобилась нищему на большой дороге. И всё же ни один здравомыслящий человек не может желать своей Родине, чтобы её покорила враг. Гитлер ставил вопрос очень прямо — уничтожить славянскую расу. А писатель Виктор Астафьев словно забыл об

этом... Или растерялся и не знает, кто и за что сегодня будет платить... Это позиция политической продажности, — пытаюсь убедить аудиторию.

— Он за свободу борется! — слышу из зала.

— А что вы, коллеги, понимаете под свободой? Для какой цели нужна вам свобода? И от чего — «свобода»?

— Нет у нас никаких целей, хотим детей своих за границу отправить, пусть хоть они проживут хорошо...

Такой вот диалог состоялся у меня с завучами столичных школ.

У всех мозги наперекосяк! Вот результат многолетнего «реформирования школы», из которой последовательно изгонялось воспитание! Это уму непостижимо, но это так: в законе РФ «Об образовании» нет даже упоминания о воспитании. Так чего же мы хотим от учителей, от учеников?! Я то и дело слышу: «Растим элиту...»

Нет, коллеги, не элиту вы растите, а продолжаете плодить люмпен. Римская цивилизация просуществовала 2700 лет потому, что всё это время там воспитывали индивидуальность. Элита — это самая передовая, самая нравственная часть воинства, которая идёт за Цезарем. 200 человек из 4 легионов. Они дрались, как львы, среди них не было ни одного труса, предателя, распутника. Вот — элита. 20 лет безупречной службы, беззаветная преданность Родине, долгу, слову. А все «льготы» — право носить тогу-претексу (с опушкой) и право голоса в Сенате. К слову сказать, разложение элиты началось с излишеств в одежде. Воспитывали элиту самыми жёсткими методами. Вот и была она тем стержнем, который цементировал великую римскую цивилизацию.

А что у нас сегодня? Посмотрите на нашу «элику» — в Госдуме ли, в правительстве: косноязычные, ожиревшие особи, лживые, лицемерные. Слышу недавно от Горбачёва: «Сегодня самое главное — не допустить к власти коммунистов». Да ты же 11 лет назад генеральным секретарём ЦК КПСС был! Первым коммунистом. Шеварднадзе делает «открытие»: «Главная опасность для народов мира — коммунизм». Вчерашний член Политбюро... Я посмотрел список нашей «элиты» — все бывшие секретари ЦК, обкомов партии или комсомола и их детишки, — подростки, воспитанные «свободой» — от всех нравственных обязательств. Наша «элита» — это быдло. Иначе и быть не могло...

Ребёнок не в состоянии делать самостоятельный выбор — ни знаний, ни культуры, ни опыта у него ещё нет. Ему нужно часть жизненного времени пройти под руководством опытного, нравственного взрослого, научиться выполнять его требования. Понять, что свобода сопряжена с огромной степенью самоограничения. Только тогда можно вести речь о человеке воспитанном. И только потом идти в свободное плавание, когда в тебе воспитаны некие необходимые для этого качества. А мы всё кричим о свободном воспитании. Довоспитывались «на свободе» от всех нравственных норм...

«Укажу лишь на мудрое высказывание Л.Н. Толстого: «Устройство внешних форм жизни без внутреннего совершенствования — это всё равно, что перекладывать без извёстки, но на новый манер развалившееся здание из неотёсанных камней. Как ни клади, всё не будет защищено от непогоды и будет разваливаться». ...Вспомним, что писал Н.А. Добролюбов: «...Человек высоко честный и нравственный в своей жизни вполне достоин уважения общества именно за свою честность и нравственность. Пусть его жизнь не озарилась блеском какого-нибудь необыкновенного деяния на пользу общую — всё-таки её нравственное значение не потеряно. Даже натура чисто созерцательная, не проявившаяся в энергической деятельности общественной, но нашедшая в себе столько сил, чтобы выработать убеждения для собственной жизни и жить не в разладе с этими убеждениями, — даже такая натура не остаётся без благотворного влияния на общество именно своей личностью».

...Парадоксально, но факт — первым и провозгласили крестовый поход против воспитания розовощёкие вожди комсомола, ...щедры вознаграждённые за подобное иудино дело отнюдь не 30 сребрениками, но весьма комфортными и прибыльными местами в банках, трестах, НТТМах, корпорациях, что никогда народом, нашими потомками не будет предано

забвению. Дело дошло до того, что подобный геростратовский подход был декларирован даже в Федеральном законе «Об образовании», обосновавшем ликвидацию детских воспитательных учреждений и организаций... И тщетно подвывают ныне все средства массовой информации и их отобранные «респонденты» о чудовищных массовых деформациях поведения молодёжи в условиях полуразбойной рыночной экономики».

Из книги «Драматизм бытия, или Обретение смысла», М., 2000.

Я глубоко убеждён: каждый юноша должен пройти армейскую школу. Теперь же от армии откупаются. Это национальный позор! Как и дедовщина. Чтобы избавиться от этих зол, придумали контрактную армию и указывают на запад — вот, мол, пример. Ложь это! Во всех европейских странах есть армия. В Америке существует обязательный призыв. Да, в армии сегодня должны служить профессионалы — как иначе управлять ракетами, авианосцами и т.д.? А что касается армейской службы по контракту, вспомним мудрое наставление Никколо Макиавелли Флорентийскому правителю из династии Борджиа: «Если вы хотите потерять трон, возьмите армию наёмников». И к Юлию Цезарю стоит прислушаться: «Армия наёмников первой бежит и первой грабит завоёванные территории».

Е.С. Березняк: Вы, наверное, согласитесь, Владимир Александрович, с тем, что победу в Великой Отечественной войне одержало не столько советское оружие, сколько боевой дух нашего солдата, наших войск. Это очень ёмкое понятие и почти «технологичное». Закалялся этот дух в период нашего отступления, в зрелище страданий нашего народа. Я не думал в начале войны, что пойду в разведку. После днепропетровского подполья у меня была бронь, безопасная работа. Но я не мог забыть злодеяний фашистов. На улицах Днепропетровска я видел повешенного пожилого человека с табличкой на груди: «Він слухав Москівське радіо». На заводе им. Петровского, где немцы ремонтировали танки, один из рабочих не выдержал издевательства и дал фашистскому надсмотрщику пощёчину, за это фашисты расстреляли 100 рабочих. В селе Юрьевка под Днепропетровском малышня — пятиклассники — носили в лес партизанам хлеб. Их выследили и расстреляли публично, в центре села. От всего этого вскипала в душе ненависть к захватчикам, которую с такой поэтической силой выразил Константин Симонов:

«Сколько раз увидишь его, —
Столько раз и убей!»
Вот почему я пошёл в разведку...

Да, не будь воинской дружбы, верности солдатскому долгу, мы вряд ли смогли бы победить такого сильного противника, как гитлеровский рейх. На территории Польши во время войны было два очага сопротивления — Армия Людова и Армия Крайова. В своё время переговоры нашего правительства с Армией Крайовой не увенчались успехом, и против неё активно действовала наша пропаганда. А мы обсуждали с ними совместные действия, на их базе дислоцировалась наша радиостанция. Командир батальона армии Крайова Тадеуш Гардый во время боя прикрывал своим огнём наш отход, я попытался отказаться от его помощи, но он сказал: «Ваша радиостанция нужнее многих наших батальонов...»

Вот она, сила дружбы, интернационального братства. А что сегодня делают с нашими детьми? В Киеве вышла книга «Национальное воспитание в семье». Вы только вдумайтесь в эту провокацию! Как можно вести в моей, скажем, семье национальное воспитание, если я украинец, а жена моя — русская? Таких семей у нас — большинство! На Совете ветеранов Великой Отечественной войны мы обсудили эту националистическую стряпню и приняли решение разоблачить её.

Семена национализма дают свои всходы. Я приезжаю в Польшу на конференцию в связи с годовщиной Победы и вижу на столе у нашего Генерального консула газету «Глос Кракова». На 1-й странице помещена статья, в которой говорится: «18 января 1945 года в Краков ворвались полураздетые солдаты маршала Конева. Начались грабежи, насилия. А завтра будут возлагать цветы на могилы этих солдат. Так, может, вычеркнем себя из списков поляков?»

Моим первым побуждением было немедленно покинуть город и уехать. Но потом я решил, что это будет капитуляция. Я выступил на конференции учёных в Ягеллонском университете. Я спросил уважаемую аудиторию: «Почему вы меня считаете оккупантом? И радистку Олю, и Александра Шаповалова, и Абдуллу Гатауллина? Мы знали, что 75% разведчиков погибают, но мы по зову сердца летели сюда — спасти Краков. И почему 1800 солдат, погибших за его освобождение, вы называете оккупантами?»

Тишина в зале стояла мёртвая. А когда я кончил свою короткую речь, зал встал и учёные устроили мне овацию. Позже газета «Трибуна люду» опубликовала мою корреспонденцию «Болит моё сердце»: «Ранят душу сообщения печати, радио, телевидения, с тревогой пишут мне и звонят знакомые и незнакомые люди: в Польше демонтируют памятники, уничтожают могилы наших воинов, ценою жизни спасших своих братьев. Краков, Сандомир, Пшемысль, Ченстохов... Для кого-то, может быть, это географические названия, а для меня — частица жизни, негаснущая память о тяжёлых буднях военного разведчика. Бывал я в этих городах и в первые дни после освобождения, видел свежие братские могилы. Позже вместо наспех сбитых пирамидок появились памятники из гранита и бронзы. Теперь их убирают. Делается это (что может быть более прискорбным?) руками детей, подростков — тех, кому мы принесли освобождение, спасли от неминуемой смерти, от геноцида».

В Кракове демонтирован памятник И.С. Коневу, вклад которого в спасение города широко известен полякам. По приказу маршала было запрещено наносить удары артиллерии и авиации по городу. Он отказался от плана окружить гитлеровскую группировку в Кракове, чтобы избежать его разрушения. «То, что такой город, как Краков, нам удалось освободить целым и невредимым, было для нас великой радостью», — писал военачальник. Памятник ему сооружён по инициативе и на деньги краковских рабочих. 18 января 1985 года на митинг, посвящённый закладке монумента, по доброй воле пришли тысячи людей. Запали в душу слова участника собрания Яна Чепеля:

— От русского селения Лодейно, где родился крестьянский сын Иван Конев, до Кракова 2500 километров. Но никогда и никому не разрушить проложенный между Лодейно и Краковом, между нашими народами мост дружбы и братства.

Неужели теперь рухнет этот мост? Не хочется верить...

Шестьсот тысяч советских воинов навечно остались в польской земле — от Татр до Балтийского моря, от Буга до Одера. За Польшу дрались солдаты из городов и сёл России, Украины, Беларуси, Грузии, Армении, Азербайджана, средней Азии...

Неужели всё это будет забыто?»

В.А. Разумный: Да, страшная это вещь — забвение и фальсификация истории. Беру один из современных «альтернативных» учебников истории. Читаю: Глава I. Ошибки Ленина в захвате власти. Глава II. Ошибки Сталина периода коллективизации. Глава III. Несоответствие историческому прогрессу идеи Сталина об индустриализации страны. Глава IV. Ошибки Хрущёва... И последняя глава: «Эпоха Ельцина — эпоха расцвета России». 800 тыс. тираж, издан учебник на грант фонда Сороса. Почитал я его, этот, с позволения сказать, «учебник»: «Истинно русские люди всегда воевали с татарами...» Что тут скажешь? В Москве сегодня проживает 1 млн 800 тыс. татар... Усваивайте, детишки, эту «науку»...

Немудрено, что ребята запутались, не верят нам, считают, что мы «войну проиграли», уходят от нас — в «наркоту», в никуда, в крими... Если теперь, когда ещё живы свидетели тех событий, и так лгут, что же будет дальше? Кто скажет молодёжи, что во время войны 3800 предприятий тяжёлой индустрии были эвакуированы на восток и вскоре дали продукцию: через 2 месяца сошли с конвейера Т-34, через 2,5 месяца из Башкирии полетели на фронт «Илюшины». Так что ж вы, господа, врёте о «несоответствии»?

Наше поколение уходит — таков закон неумолимого времени. Наш долг передать детям, молодёжи правду о Великой Отечественной войне, те непреложные нравственные ценности, которые вынесли мы из окопов, из боёв, из поражений и наступлений.

Первое — абсолютное чувство долга.

Второе — абсолютное чувство товарищества, даже в мелочах: прислали тебе посылку —

не ешь её под одеялом.

Третье — полное исключение своей исключительности. Генерал приходит в окоп и обращается к нам со словами «Сынок». Чуйков отдаёт приказ по дивизии: «Всю штабную сволочь — в строй...»

Четвёртое — патриотизм. Я помню, как мы подошли к Сталинграду. Армию действительно осенили, коснулись её традиции наших великих предков. Армия стала другой. Может, этому способствовали и погоны: все вдруг пришли белые подворотнички.

Пятое — неколебимость веры. Нельзя быть перевертышем, хаять своё прошлое. Люди, которые воевали, прошли через 37-й год. Я помню, как мой дядя приезжал к нам и вовсю ругал Сталина (меня тотчас же выдворяли из комнаты). Но он ни минуты не сомневался: защищать страну или отдать её врагу на растерзание. Я видел, что даже полуграмотные солдаты чувствовали, где родная земля, страна, а где — политика.

Прекрасный урок неколебимости веры дают нам римляне. Прав или не прав Рим — решит Сенат. Но если Сенат принял решение, римлянин будет отстаивать его до конца. И пример Сократа — тому подтверждение: он предпочёл умереть, чем поступить граждански недостойно.

А нам сегодня ничего не стоит солгать, слукавить, продать, предать, выкручиваться. И мы всё это терпим. Кто мы после этого? И что унаследуют от нас дети и внуки, которые завтра станут хозяевами жизни — без идей, без мыслей, без чувства ответственности за Отечество?..

Мне как-то пришлось на войне командовать штрафной ротой (убило её командира). Признаться, внутренне я испытывал дрожь — нам ведь чего только ни говорили об этих людях. А они мне преподали очень убедительные «уроки этики»: «Ты, сынок, не чирикай. Мы всё сами сделаем, как надо, ты только не командуй нами. Лучше в окопе посиди — целей будешь»; «Не выпендривайся, не будь надутым индюком, который думает, что он — самый умный». И всё — в таком же духе.

Мощнейшие уроки нормального человеческого общения дала всем нам война. Это была не только постоянная опасность, смерть, но и некое всеобщее братство. А вот уж что всегда и у всех вызывало резкое неприятие, так это показной героизм. И в этом — тоже огромная сермяжная правда войны. Помню, как надо было идти в разведку в районе Донца, разузнать, что делается на передовых вражеских позициях. Это всего-то метров 800. Я возвращался весь мокрый — от напряжения и... от страха.

— **Как вы считаете: что нужно сделать, чтобы вернуть молодёжи правду о войне, о подвиге народа, воспитать наших детей патриотами?**

Е.С. Березняк: Надо неустанно говорить молодёжи правду и не вступать на путь нравственного конформизма. Я часто встречаюсь с курсантами Академии Вооружённых сил Украины, в составе которой есть Институт военно-дипломатической службы. В нём, кстати сказать, установлена стипендия им. Березняка, я навечно зачислен почётным преподавателем академии. Так вот, иду на встречу в честь очередного Дня Победы. В зале больше тысячи курсантов. И ни одного портрета Маршала Советского Союза, военачальника, героев, внёсших вклад в Победу. Зато на стенах — портреты гетманов — от Мазепы до Дорошенко. Я говорю пану полковнику:

— Встреча наша не состоится. Гетманы не имеют никакого отношения к Великой Отечественной войне, к Победе.

Он взмолился, просит «не срывать мероприятие», обещал немедленно отыскать и повесить портреты героев войны (слово сдержал). Я говорил об этом с министром обороны Украины Александром Ивановичем Кузьмуком. Эти проблемы мы обсуждаем на Совете ветеранов, учим нашу «элиту» уму-разуму. То, что делается в школах Украины, меня глубоко возмущает...

В.А. Разумный: Да только ли в школах Украины? Меня сейчас волнует одно: понять, что происходит в нашем образовании. В общеобразовательной школе, через которую проходит вся молодёжь, из жизни ребят изъяли два основных воспитателя — труд и спорт. Те, кто руководят образованием, полагают, вероятно, что в информационной цивилизации труд не по-

надобится. Но даже сломанный компьютер на космическом корабле надо чинить с помощью отвёртки, а то и в космос выйти, и молотком поработать. Но ребят ничему не учат — ни напильник держать, ни лопату. Даже в сельской школе труд перестал быть основным предметом. В конце концов селяне могут сказать: «Такая школа нам не нужна».

А возьмите здоровье молодёжи. Вы помните, какие юноши были до войны — крепкие, физически развитые, спортивные. А сейчас на турнике подтянуться не могут — висят как варёные макароны. Да и где им этому учиться? В школе на каждого ученика приходится две минуты занятий физкультурой в день (я подсчитал). По месту жительства все спортивные площадки, все секции перестали существовать. В нашем микрорайоне до недавних пор было несколько хоккейных, волейбольных площадок, спортивная школа, Центр досуга, где дети лепили, рисовали, играли в шахматы, пели. Сейчас на спортплощадках стоят иномарки, спортивная школа стала коммерческим банком, Центр досуга сломали и строят на этом месте дом для миллионеров. Из 9 детских садиков остался один, содержание ребёнка в нём стоит 1000 долларов. Неудивительно, что подростки «сидят на игле», глотают «колёса». Кто останавливает эту деградацию — школа, Министерство образования, которое сегодня ничем не руководит, а только делает вид, что «проводит политику»? При Луначарском в наркомате просвещения было несколько штатных работников, остальные помогали им на общественных началах, в том числе и мой отец. Среди общественников были Горький, Блок, Асафьев, Брюсов. С 1920 по 1922 год было выпущено 2200 учебников и пособий, разработаны учебные программы. Школа была трудовой, воспитывала граждан.

Сейчас со школой происходит нечто непонятное. Идёт тотальная девальвация ценностей; тихо, незаметно размываются патриотические ценности, правда о войне, о ратных подвигах её героев ребята не знают. Я гуляю часто по своему двору, во дворе у нас школа. Спрашиваю у ребят: кто такой генерал Родимцев? Не знают. А ведь он спас Сталинград, спас Москву. Не знают Чуйкова, Жукова.

Так кого же мы воспитываем? Таких, как бывшая партийная верхушка, которая всех предала, перекарасилась и жирует сегодня на народном горе? Дети наши видят отношение государства к ветеранам, к нашим святыням. Для меня было совершенной неожиданностью, что оппозиционерами, современными декабристами становятся сегодня дети новых русских: они не принимают правил игры родителей.

Дети, молодёжь, школа — вот сегодня поле нашей битвы. Нельзя убирать из школы воспитание! Впрочем, и с обучением происходят страшные вещи. Я собрал недавно восемь своих друзей — профессоров, докторов физико-математических наук, биологов — и задал им несколько вопросов из школьной программы. Они очень удивились и не поверили, что этому учат школьников. Кто сказал, что это главное из того, что надо знать человеку, что необходимо ему в жизни в век информационной цивилизации? Почему в школьных учебниках нет таких тем: как девочка должна любить, чтобы не стать проституткой по «душевному влечению»? Как юношам готовиться к семейной жизни? Как мужчинам нужно относиться к жене? Что делать, чтобы сберечь честь и достоинство? Нет таких тем в учебниках и в ближайшее время, скорее всего, не предвидится...

«...Я сделал акцент на алогичности предельного расширения так называемого базисного знания, в результате чего произошёл явный перекоп в сторону заучивания ненужного и к всеобщему незнанию нужного... Общественно-научные дисциплины по дурной идеологической традиции и в силу подкоркового страха до сих пор обрушиваются на учащихся бессистемно, бесцельно и алогично. Я имею в виду политологию, культурологию, социологию, вполне неопределённую философию и прочие учебные предметы, от которых в голове у молодёжи остаётся только сумбур неопределённых знаний.

Многие вновь испечённые руководители школ Москвы, с которыми мне доводилось встречаться в последние годы, всерьёз убеждены, что воспитание — только организация досуговой деятельности ребёнка. Но за этим маячит опасность социального разложения, девальвации веками выработавшихся духовных ценностей. Скажу откровенно — попытки

так трактовать воспитание призваны завуалировать явно негативный воспитательный эффект, который характерен ныне для насаждаемой у нас силовыми методами «реформаторской» модели образовательного учреждения. В частности, такой школы, из которой практически изгнаны производительный труд детей, их гармоничное физическое развитие, радостная художественно-творческая деятельность, гражданское самоутверждение патриотов. Чем, как не антипатриотическим воспитанием оборачивается ложь авторов учебников истории о реальной роли России в разгроме фашизма, стремящихся убедить детей в том, что Монтгомери и Эйзенхауэр преопределили победу! Итог такого «антивоспитания» потрясает нас, фронтовиков, навсегда уходящих сейчас в небытие. В святой праздник Победы ребячьи, радостно окружавшая и приветствовавшая нас, последних динозавров великой войны, не могла назвать ни одного из многих её грандиозных сражений, где погибли миллионы их дедов и прадедов...»

Из книги «Драматизм бытия, или Обретение смысла».

Но мы оптимисты. Пока бьётся сердце, будем выполнять свой гражданский патриотический долг...

* * *

Вот так наш разговор от дней минувших перешёл к дням нынешним, и мы увидели в наших собеседниках прежних бойцов — в строю, с высоко поднятой головой, горячим сердцем и чёткой гражданской позицией.

Нет, не стареют душой ветераны...